

НИКОЛАС
СПАРКС

Возвращение

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С71

Серия «Спаркс: чудо любви»

Nicholas Sparks
THE RETURN

Перевод с английского *Л. Галушкиной*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Park Literary Group и Andrew Nurnberg.

Спаркс, Николас.

С71 Возвращение : [роман] / Николас Спаркс ;
[перевод с английского Л. Галушкиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2021. — 352 с. — (Спаркс: чудо
любви).

ISBN 978-5-17-135993-5

Последние слова умирающего деда породили у Тревора Бенсона немало вопросов... Как и почему старик, много лет не покидавший крошечный южный городок Нью-Берн, вдруг оказался далеко от дома? Каких родственников просил найти?

Вынужденный оставить работу военного хирурга из-за ранения, Бенсон отправляется в Нью-Берн в поисках ответов. Здесь его внезапно настигает любовь к загадочной красавице Натали Мастерсон... Почему она то принимает его ухаживания, то отдаляется от него?

Но Тревор не намерен отступать. Ведь для него это прежде всего возможность расстаться с прошлым и начать все с чистого листа.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Willow Holdings, Inc., 2020

Школа перевода В. Баканова, 2020

ISBN 978-5-17-135993-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2021

*Семье Ван Вай:
Джеффу, Торри, Анне, Одри и Аве*

Благодарности

Сложно поверить, однако прошло уже двадцать четыре года с тех пор, как вышла в печать моя первая книга — «Дневник памяти». Что еще поразительнее, многие мои прежние соратники, помощники и друзья остались со мной по сей день. Невозможно передать словами, насколько я благодарен многоликой команде, что поддерживала меня на протяжении долгой карьеры, — и все-таки я попробую.

Прежде всего, спасибо моему литературному агенту Терезе Парк из «Парк энд Файн литерари энд медиа». Мы отправились в путешествие еще детьми — и вот мы здесь, уже зрелые люди, двадцать две книги спустя. Сказать, что у нас единый разум, сердце и источник вдохновения, — еще ничего не сказать. Спасибо за то, что оставалась моим творческим партнером и неизменно поддерживала меня на каждом этапе нашей увлекательной жизни.

В агентстве «Парк энд Файн» работают самые опытные, дальновидные и успешные представители литературного бизнеса. Эбигейл Кунс, Эмили Свит, Андреа Мэй, Алекс Грин, Эма Барнс и Мари Михельс — вы самые продвинутые ребята в издательском мире, с вами очень приятно работать. Новые сотрудники «Парк энд Файн»: Селеста Файн, Джон Маас, Сара Пассик, Анна Петкович, Джейдри Брэддикс и Аманда Ороско — добро пожаловать! Безумно рад, что агентство растет и делится со мной своим богатым опытом.

Майкл Пич, глава издательства «Гранд сентрал паб-лишинг» (когда я начинал, оно называлось «Уорнер букс»), продолжает курировать мою карьеру в издательском деле и всегда меня поддерживает. Я с большим удовольствием поработал с издателем Беном Севером и главным редактором Карен Костольник. Они упорные, проницательные и прежде всего добрейшие люди. Брайан Маклендон с неизменным энтузиазмом руководит продвижением моих книг, а Мэттью Бэллэст и Стейси Берт мастерски организуют мне первоклассные рекламные кампании. Спасибо художественному редактору Альберту Тэнгу за то, что подарил моим книгам стильные обложки — одну эффектнее другой. Аманда Прицкер, ты творишь чудеса! Благодаря тебе все шестеренки моих кампаний крутятся слаженно. Спасибо тебе за это и за работу бок о бок с командой из «Парк энд Файн».

Кэтрин Олим из РМК-ВНС — мой гиперответственный и невероятно опытный издатель за рубежом, ты служила мне надежной опорой многие годы. Разве смог бы я выжить в кишасших акулами водах издательского бизнеса без тебя? Молли Смит и Лаквиш Райт, вы всегда — всегда! — на шаг впереди, когда дело касается продвижения книг в социальных сетях. Вы знаете меня лучше, чем я сам, и неизменно представляете меня в самом выгодном свете.

Моя голливудская команда не зря вызывает зависть у каждого писателя. Хоуи Сандерс из «Анонимус контент» — блестящий адвокат и самый верный товарищ; Кия Хаятьян — мастер по заключению сделок, которая поддерживала меня многие годы; и конечно, Скотт Швимер — самый въедливый, честный и неутомимый юрист в Голливуде. Ты изменил этот мир, Скотти!

И все же наш дом — там, где сердце, поэтому было бы упущением с моей стороны не упомянуть людей, что согревают и оберегают место, приносящее мне покой: моих детей Майлза, Райана, Лэндона, Лекси и Саванну, которые наполняют мою жизнь радостью; Джинни Арментраут и Тиа Скотт, которые помогают мне с повседневными делами; Пэм Поуп и Оскару Стевик — моих чудесных бухгалтеров; Викторию Водар, Майкла Смита, Кристи Боначчи, Бритта и Мисси Блэкерби, Пэт и Билла Миллсов, Тодда и Гретхен Лэнман, Ли и Сэнди Миншалл, Ким и Эрика Белчеров, Питера и Тонье-Мари, Дэвида и Моргана Шара, доктора Дуайта Карлблома и Дэвида Вонга — моих фантастических друзей. И конечно, хочу поблагодарить всю свою большую семью: Майка и Парнелл, Мэтта и Кристи, Дэна и Киру, Аманду и Ника, Чака и Дайен, Тодда, Элизабет, Монти и Гейл, Шона, Адама, Сэнди, Нейтана, Джоша и, наконец, Коди и Коула — всех, кто звал меня в гости и готов был выслушать в любую минуту.

Пролог

2019 год

Церковь напоминает альпийскую часовенку — из тех, что встречаются в окрестностях Зальцбурга; там, внутри меня ждет прохлада. В августе в южных штатах царит жара, а на мне, увы, — костюм с галстуком. Обычно я костюмы не ношу: неудобно. Да и пациенты мне больше доверяют, когда я одет повседневно, как они.

Я приехал на свадьбу. С невестой я знаком уже пять с лишним лет — правда, не уверен, что она считает меня другом. Когда она покинула Нью-Берн, мы поначалу часто созванивались, однако год спустя наше общение свелось к редким дежурным эсэмэскам — иногда от нее, иногда от меня. Впрочем, нас несомненно кое-что связывает — события, произошедшие несколько лет назад.

Иногда мне сложно вспомнить, каким я был, когда наши пути пересеклись впервые. Хотя удивляться тут нечему. Жизнь прокладывает перед нами множество дорог; мы растем, меняемся — и порой, мельком взглянув в зеркало заднего вида, с трудом узнаем себя прежних.

Что-то осталось неизменным — например, мое имя, — однако мне уже стукнуло тридцать семь, и я осваиваю новую профессию, о которой даже не задумывался первые три десятка лет своей жизни. Раньше я обожал фортепиано, теперь же не играю вовсе; я вырос в любящей семье, однако долгие годы жил без родных. На то есть причины, и о них я поведаю позже.

А сейчас я просто рад, что добрался и к тому же не опоздал. Мой рейс из Балтимора отложили, еще и в очереди за арендованным автомобилем пришлось постоять. Я приехал не последним, но больше половины мест уже заняты. Сажусь на третью от входа скамью, постаравшись проскользнуть незамеченным. Среди гостей — множество женщин в шляпках, уместных скорее для дерби в Кентукки: вычурные, похожие на торты, нагромождения из бантов и цветов — прямо как на лугу, только коз не хватает. Ох уж этот Юг, улыбаюсь я: словно попал в другой мир, какого нигде больше не увидишь.

Я продолжаю осматриваться, и цветы наводят меня на мысли о пчелах, с которыми связана значительная часть моей жизни. Эти необычайные, чудесные существа всегда казались мне занимательными. Сейчас у меня свыше дюжины ульев — к слову, возни с ними не так уж много, — и я верю, что пчелы обо мне заботятся, как и обо всем человечестве. От этих крошечных созданий зависит огромная часть людского продовольствия.

Разве не удивительно, что наша привычная жизнь в конечном счете сводится к чему-то настолько простому, как пчела, перелетающая с цветка на цветок? Поэтому я верю: мое скромное увлечение важно для мироздания, а также сознаю, что именно разведение пчел привело меня сюда, в маленькую церквушку вдали от дома.

Конечно, мой рассказ — как и любой хороший рассказ — о событиях, обстоятельствах и людях, в том числе о парочке старичков, часами сидевших в креслах-качалках у выдавшего виды магазинчика в Северной Каролине. Однако прежде всего это история о двух разных женщинах — впрочем, одна из них была совсем еще девчонкой.

Сам знаю: рассказчики частенько помещают себя в центр своих историй. Возможно, и я пополню их ряды, но с оговоркой: большинство событий все же кажутся мне совершенно случайными. Поэтому, читая мой рассказ, пожалуйста, помните: я не претендую на звание героя.

Что касается концовки — думаю, эта свадьба послужит неплохим завершающим аккордом. Пять лет назад я затруднился бы сказать, к какому финалу привели события — к счастливому, печальному или к обоим одновременно. А что же теперь? По правде говоря, сейчас определенности еще меньше. Я приехал сюда посмотреть: вдруг эта история каким-то хитрым образом продолжится там, где когда-то оборвалась?

Чтобы понять, о чем я, вам придется перенестись со мной в прошлое, погрузиться в мир, который, несмотря на пять последующих лет, остался рядом — рукой подать.

Глава 1

2014 год

Впервые я заметил эту девушку на следующий день после переезда. Затем я не раз видел, как она брела мимо моего дома, опустив голову и ссутулив плечи. За полтора месяца мы не перекинулись и словом.

Она показалась мне подростком: манера держаться выдавала, что девушку угнетают одновременно низкая самооценка и раздражение на весь белый свет. Впрочем, в свои тридцать два я едва ли мог судить наверняка. Кроме того, что у нее длинные каштановые волосы и широко расставленные глаза, я знал точно лишь одно: она жила в трейлерном парке неподалеку и любила ходить пешком. А еще вероятнее, ходить ей приходилось в связи с отсутствием машины.

В апреле небо прояснилось, температура замерла на отметке чуть выше двадцати градусов, а слабого ветерка хватало лишь на то, чтобы разносить ароматы цветов. Азалии и кизил во дворе расцвели пышным цветом буквально за одну ночь. Азалии росли вдоль посыпанной гравием дорожки, что, петляя, вела к дому моего деда в ближайшем пригороде Нью-Берна¹ — дома, который недавно достался мне по наследству.

А я, Тревор Бенсон — идущий на поправку врач и по совместительству отставной военный, — сыпал

¹ Нью-Берн — город в Северной Каролине. — *Здесь и далее примеч. пер.*

вдоль крыльца нафталиновые шарики, про себя досадуя, что совсем не так мечтал провести утро. В этом доме уборке не было конца и края: всегда находилась новая работенка, и порой я сомневался, стоило ли браться за ремонт вообще.

Дом (хотя «дом» — это громко сказано) и в лучшие годы выглядел довольно неказисто, к тому же над ним потрудились время. Дедушка собственноручно возвел это жилище, вернувшись со Второй мировой, и хотя строил он на века, в плане дизайна фантазией не отличался. Дом представлял собой параллелепипед с одной верандочкой спереди и другой — сзади. Внутри: пара спален, гостиная, кухня и две ваннные комнаты. Обшив-ка из кедровых досок с годами стала серебристо-серой, совсем как волосы моего деда. Крышу уже не раз латали, ветер задувал сквозь щели в рамах, а кухонный пол настолько покосился, что, пролей кто-нибудь воду, она ручейком стекла бы к двери. Надеюсь, это облегчало дедушке мытье полов, ведь последние тридцать лет он жил в одиночестве.

Участок, впрочем, впечатлял: шесть с лишним акров земли; старенький, немного кособокий амбар и сарай, где дедушка хранил собранный мед. Казалось, на ферме можно найти все цветущие растения, известные человечеству, включая клевер и полевые травы. С апреля и до конца лета газон будто фейерверки расцветивали.

Рядом пролегалла речка Брайсес-Крик, чьи темные солоноватые воды текли так медленно, что в них, словно в зеркале, отражалось небо. Неспешно меркнувшие закатные лучи пронизывали испанский мох, шторами свисавший с деревьев, превращая водную гладь в какофонию бордового, желтого и оранжевого.

Медоносные пчелы обожали эти места, как и заду-мывал дедушка, — по-моему, пчел он любил больше,

чем людей. Всю жизнь он увлекался пчеловодством; на участке стояло около двадцати ульев, причем находились они в лучшем состоянии, нежели дом или амбар. Приехав сюда, я понаблюдал за пасекой издали, и хотя сезон только начинался, пчелиные семьи, похоже, чувствовали себя хорошо.

Весной население ульев стремительно возрастало, — прислушавшись, я даже мог различить жужжание. Пока что моего вмешательства не требовалось. Я сосредоточился на доме, решив привести его в приличное состояние. Обшарив кухонные полки, я оставил несколько банок меда и выбросил остальное: коробку прогорклого печенья, полупустые банки с арахисовым маслом и вареньем, пакетик сушеных яблок. В ящиках я обнаружил мусор: просроченные купоны, огарки свечей, магниты, напишущие ручки — и все отправил на помойку. Холодильник был почти пустым и на удивление чистым: ни заплесневелой еды, ни отвратительных запахов. Я вынес из дома целую гору старого хлама.

Для более сложных задач я нанял несколько рабочих бригад. Во-первых, пригласил подрядчика, чтобы сделать косметический ремонт в одной из ванн. Затем сантехник устранил протечку на кухне. Рабочие отшлифовали и покрасили полы, выкрасили стены и, что не менее важно, заменили заднюю дверь. Прежняя была проломлена, а затем кое-как заколочена досками. Когда уборщики вычистили каждый уголок, я провел в дом вайфай для ноутбука и купил мебель для спален. Приобрел я и новый телевизор в гостиную — вместо старого, с антеннами-рожками и размером с пиратский сундук. Благотворительный фонд не принял дедовскую мебель даже в качестве антикварной, так что пришлось отправить ее на свалку.

По утрам и вечерам я отдыхал на одной из неплохо сохранившихся верандочек. Поэтому-то мне и понадобился нафталин. Весна на Юге — не только цветочки, пчелки и красивые закаты, особенно если живешь в глуши неподалеку от реки. Погода стояла теплее, чем обычно, отчего пробудились от спячки змеи. Одну — и довольно большую — я заметил утром, когда вышел на заднюю веранду. Испугавшись до чертиков и пролив кофе на рубашку, я быстро ретировался в дом.

Не знаю, ядовитой ли была змея: я ничего в змеях не смыслю. Однако, в отличие от некоторых — например, моего дедушки, — убивать я ее не хотел. Пусть живет — только где-нибудь во-он там, подальше от моего дома. Я знал, что змеи приносят пользу — к примеру, уничтожают мышей, которые по ночам шебуршат за стенами. Этот шорох меня пугал; мальчишкой я проводил здесь каждое лето, но так и не привык к сельской жизни. Я всегда считал себя парнем-из-большого-города, — пока не прогремел взрыв, поломавший не только привычную жизнь, но и меня самого. Поэтому я и назвался «идушим на поправку врачом». Впрочем, об этом позже.

Вернемся к змее. Переодев рубашку, я вспомнил, что дедушка отпугивал ползучих гадов нафталиновыми шариками. Он верил, что это волшебное средство от всех на свете вредителей: крыс, летучих мышей, клопов, змей, — и запасался нафталином впрок. Я нашел много коробочек в амбаре и, надеясь, что дед знал, о чем говорит, щедро рассыпал шарики вокруг дома: вначале у задней веранды и вдоль стен, затем — у крыльца.

Тогда-то я снова увидел девушку, бредущую по шоссе. На ней были футболка и джинсы. Она, похоже, почувствовала мой взгляд и мельком на меня посмотрела.

Не улыбнулась, не помахала, а втянула голову в плечи, словно стараясь меня не замечать.

Пожав плечами, я вернулся к работе — если посыпание крыльца нафталином могло таковой считаться. Однако по неведомой причине я задумался о трейлерном парке, где жила незнакомка. Он находился в конце дороги, где-то в миле от моего дома. Вскоре после переезда я туда прогулялся — чисто из интереса. За несколько лет парк разросся, и мне захотелось посмотреть на новых соседей.

При взгляде на фургоны у меня мелькнула мысль, что по сравнению с ними дом моего деда — Тадж-Махал. Шесть-семь дряхлых, допотопных трейлеров беспорядочно ютились на площадке; поодаль виднелись обгоревшие развалины еще одного. Пожар оставил от него лишь черный, оплавленный остов, который никто не удосужился убрать. Меж покосившихся шестов уныло свисали бельевые веревки. Тщедушные куры что-то клевали, толкаясь среди ржавой техники и держась подалеже от оголодавшего питбуля, прикованного цепью к старому бамперу. Пес клацал огромной, словно капкан, челюстью и лаял на меня так свирепо, что слюна во все стороны летела из пасти. *Нехороший песик*, помнится, подумал я. Интересно, кому могло захотеться жить в такой дыре? Впрочем, ответ был очевиден. Возвращаясь домой, я мысленно жалел бедолаг-соседей и корил себя за снобизм. Мне просто повезло больше, чем большинству — во всяком случае, по части денег.

— Вы здесь живете? — послышался голос.

Я поднял глаза: передо мной стояла девушка из трейлер-парка — похоже, возвращалась домой. Боясь подойти ближе, она замерла в нескольких ярдах от меня, — Впрочем, достаточно близко, чтобы я разгля-

дел россыпь едва заметных веснушек на ее щеках. На руках девушки виднелись синяки — видимо, бедняжка обо что-то ударилась. Особой красотой незнакомка не отличалась — в ее чертах сквозила какая-то незавершенность, отчего я снова подумал, что она еще подросток. По настороженному взгляду я понял: стоит мне приблизиться — и девушка убежит.

— Да, я здесь живу, — ответил я с улыбкой. — Правда не знаю, надолго ли задержусь.

— Старик умер, — произнесла незнакомка. — Тот, что жил здесь до вас. Его звали Карл.

— Знаю. Это был мой дедушка.

— Вот как. — Она засунула руку в задний карман джинсов. — Он угощал меня медом.

— Очень в его духе. — Наверняка я не знал, но почему-то захотел так сказать.

— Он часто обедал в «Фактории», — сообщила девушка. — Всегда был вежливым.

«Фактория¹ ленивого Джима» — невзрачный магазинчик, каких полным-полно в южных штатах, — существовала здесь дольше, чем я себя помню. Дедушка водил меня туда всякий раз, как я приезжал. В домике размером с гараж на три машины имелась крытая верандочка, а также продавалось все, начиная с бензина, молока и яиц и заканчивая рыболовными снастями, наживкой и запчастями для машин. Рядом стояла парочка допотопных бензоколонок — картой не расплатишься, — а еще в «Фактории» готовили еду на гриле. Однажды я нашел в магазине пакет с пластмассовыми солдатиками, зажатый между пачкой зефира и ящи-

¹ Факториями, или торговыми постами, в XV–XIX вв. назывались торговые поселения, образованные иностранными (чаще всего европейскими) купцами на территории другого государства или колонии.